Едва выдержав пять минут, режиссер тихо сказал:

— Шао Е, может твое выражение лица быть менее серьезным?

Как только режиссер сказал это, Шао Е, который и без того был напряжен, стал еще более напряжен.

Сердце режиссера бешено заколотилось, и у него появилось нехорошее предчувствие.

Конечно же, когда съемка возобновилась, выступление Е Ханьдуна стало еще хуже!

Режиссер едва не расплакался. Он не мог больше этого выносить. Он не думал, что с Шао Е будет так сложно. Конечно, все было не так уж плохо. Шао Е, по крайней мере, смог пройти тест.

«В индустрии много подходящих актеров, неужели так необходимо делать все это?»

Поразмыслив над этим еще десять минут, режиссер сказал:

— Ладно! Сделаем перерыв на полчаса, а затем повторим съемку.

«Просто сделать перерыв? Этот режиссер такой неуважительный!» — в тот момент у Е Ханьдуна промелькнула такая мысль.

Но потом он понял, что наконец-то у него появилось свободное время, и сейчас ему не нужно было иметь с этим дело.

Прежде чем он успел расслабиться, помощник режиссера подозвал его.

Режиссер сказал ему:

— Молодой мастер Е, когда ты смотришь на героиню, в твоих глазах должна быть любовь, и ты не должен стесняться. Кроме того, ты стоишь слишком далеко от героини, а твоё тело слишком напряжено. Подойди ближе и расслабься. Ты любишь героиню, а не ненавидишь. Понимаешь?

Ван Цань старался изо всех сил, чтобы постепенно прояснить основные моменты выступления.

Почему же режиссер так терпеливо относился к Е Ханьдуну? Ведь, когда тот же Чжан Жоян снимался в его рекламе ранее, он был очень сварливым и ругал Чжан Жояна каждую минуту.

Однако каким бы темпераментным ни был режиссер, у него были свои правила выживания после долгого пребывания в индустрии развлечений.

Учитывая уровень Е Ханьдуна, режиссер не должен был чувствовать себя виноватыми. Нужно было не только не обижать его, но и относиться к нему по-другому, относиться к нему хорошо и серьезно.

Чем больше Е Ханьдун слушал, тем сильнее хмурил брови.

«Любовь? Что это за штука? Расслабить свое тело? Я этого не хочу!»

Глядя на большое количество машин и на улыбающееся лицо У Синьжань перед собой, он действительно не мог расслабиться, и его тело бессознательно напрягалось.

Но теперь, когда Е Ханьдун уже пришел сюда, он не хотел сдаваться на полпути. Поэтому он поджал губы и кивнул.

Вскоре время перерыва закончилось, и съемки начались снова.

На этот раз Е Ханьдун позволил себе максимально игнорировать окружающие его камеры и пытался медитировать. Что касается У Синьжань, то он притворился, что ее тоже нет, и не смотрел на нее.

Ему понравилось сравнение, которое он придумал: «Я никогда раньше не работал с женщиной, которая увеличила свою популярность благодаря Weibo. Иногда ее фанаты соединяли наши фотографии вместе. Сегодня я просто буду думать, что нахожусь в рамке такой фотографии».

Он был не очень счастлив, когда подумал об этом.

Ван Цань наблюдал за выступлением Е Ханьдуна, которое было немногим лучше, чем раньше и едва мог это выносить.

К тому времени, когда продолжилась съемка, Е Ханьдун снова оказался в затруднительном положении.

Терпение Ван Цаня по отношению к Е Ханьдуну было почти исчерпано. Он взял рупор и сказал:

— Шао Е, ты должен смотреть на У Синьжань, а не на воздух.

Е Ханьдун почувствовал холодок по спине.

«Нежели моя маленькая хитрость была обнаружена?»

— Разве предыдущая сцена не была снята очень хорошо, почему же вам не нравится эта?

— Ха-ха, это потому, что первая сцена снималась сбоку и сзади, поэтому я не видел, твои глаза.

Когда взгляд Е Ханьдуна обратился к У Синьжань, его брови бессознательно нахмурились, а глаза стали безразличными.

— Шао Е, любовь, любовь в глазах!

Выслушав это, Е Ханьдун закрыл глаза и десять раз помедитировал: «Мне нравится У Синьжань, мне нравится У Синьжань...»

Открыв глаза и посмотрев на У Синьжань перед собой, он почувствовал себя немного неуютно, несмотря на медитацию. Он еще раз убедился, что его гипноз не работает.

— Шао Е, раз любви нет, ты можешь просто выглядеть счастливым. Просто подумай о том, что делает тебя счастливым.

— О чем-то, что делает меня счастливым? Первый раз, когда я написал песню, первый раз, когда у меня был концерт...

— Очень хорошо, у вас счастливый взгляд. Но, Шао Е, ты можешь посмотреть на У Синьжань сейчас и повторить этот взгляд?

Уголок рта Е Ханьдуна дернулся. Он посмотрел на У Синьжань и попытался воспроизвести то, что только что произошло.

Режиссер возобновил съемку.

В этот момент Е Ханьдун почувствовал, что играть было так легко.

И даже У Синьжань почувствовала, что Шао Е не совсем безразличен к ней.

Однако вскоре иллюзии этих троих людей были разрушены.

Первая — это У Синьжань. После того, как режиссер сказал, что съемки окончены, все приступили к обеду.

Oriental Records — это гигантская звукозаписывающая компания, обладающая целым состоянием. Поэтому для съемок видео их Принца закуски были довольно хорошими, а обед индивидуальным и очень вкусным.

У Синьжань взяла свою коробку с ланчем, собираясь найти Е Ханьдуна. Она подошла к двери и увидела помощника певца А-Ли.

Девушка сказала с улыбкой:

— Здравствуйте, могу я спросить, здесь ли Шао Е? Я хочу обсудить с ним следующую часть сцены.

В конце концов, У Синьжань была популярной маленькой актрисой, и ее внешность была очень хороша. А-Ли слушал ее нежный голос, смотрел на ее прекрасное лицо и был очень счастлив в глубине души.

Но! Будучи ассистентом Шао Е, каких знаменитостей женского пола он не встречал?

Он был счастлив, потому что красивые женщины были вежливы с ним и хотели, чтобы он относился к ним по-другому. Это просто мечта.

— Тогда подождите минутку, я спрошу Шао Е.

— Извините, что беспокою вас.

Открыв дверь, А-Ли был перебит Е Ханьдуном прежде, чем смог заговорить:

— Просто скажи, что я собираюсь отдохнуть, и у меня нет времени обсуждать с ней драму.

А-Ли посмотрел на Шао Е, который жевал куриные ножки, стоящие перед ним, и сказал:

— Да, братец Е, я знаю, что сказать.

— Извините, Шао Е отдыхает.

У Синьжань нахмурилась.

«Отдыхает? Когда открылась дверь я видела, как Шао Е ест!»

Посмотрев на помощника, который, казалось, был готов поговорить, но не знал с чего начать, У

Синьжань поблагодарила его и ушла.

Е Ханьдун отложил куриные ножки, потому что он был не в настроении есть!

Хотя он только что подумал, что съемки, по его мнению, не так уж сложны, это не значит, что ему нравилось сниматься!

Обсудить с ним драму? Хе-хе, в следующей жизни.

Такого рода несчастье случилось с ним только один раз в этой жизни, и больше он такого не допустит.

Никто больше не заставит его сниматься в музыкальном клипе!

«Это гораздо сложнее, чем написать песню! Я чувствую себя марионеткой без души, которой управляют другие. Кроме того, она женщина, у которой завышенное мнение о себе. Я плохо питался и плохо спал сегодня».

Из-за мысли о съемках Е Ханьдун почувствовал, что сотня когтей царапает его сердце, и у него пропал сон.

Когда начались съемки, иллюзии Е Ханьдуна тоже были разбиты вдребезги!

В этот полдень, помимо Шао Е, был еще один человек, у которого сотни когтей царапало сердце. Это наш режиссер, Ван Цань! Он неоднократно просматривал содержимое с утренних съемок, и чем больше смотрел, тем больше злился и тем более неуютно ему становилось.

От такой работы действительно невозможно избавиться. Можно сказать, что сегодня утром у него помутился рассудок. Это было из-за Шао Е?

Характер Е Шао тоже был не из легких, и это уже давно было известно в кругу развлечений. Однако если пытаться переделать Шао Е, останется ли у режиссера его карьера?

После долгой борьбы между двумя идеями Ван Цань наконец принял решение.

***

— Третий акт, снимаем!

После минуты съемки Ван Цань взял рупор и сказал:

— Шао Е, твои руки должны нежно касаться волос партнерши, а не дрожать, как у паралитика. Держи руки ровно, не трясись!

Е Ханьдуна задался вопросом: «Что же случилось? Почему режиссер стал по-другому относиться ко мне? Разве мои актерские способности не улучшились? Почему возникает ощущение, что съемки становятся все хуже и хуже?»

Прежде чем Е Ханьдун успел сообразить что к чему, режиссер сказал начать все заново.

На этот раз съемки не продлились и минуты.

— Шао Е, это волосы девушки, которая тебе нравится, не делай такое выражение лица! — невыносимо закричал Ван Цань.

После этого крика вся съемочная площадка погрузилась в тишину.

На Шао Е накричали!

Режиссер накричал на Шао Е!

На Шао Е накричал режиссер, даже не имеющий международного признания!

На их Принца накричали!

Никто из персонала на месте происшествия не осмеливался заговорить, и никто не осмеливался что-то предпринять.

http://tl.rulate.ru/book/49162/2467524